

А. ГАСАНОВ

Почему не нужно слушать женских советов

СБОРНИК РАССКАЗОВ №10

Алик Гасанов

**Почему не нужно слушать женских
советов. Сборник рассказов №10**

«Издательские решения»

Гасанов А.

Почему не нужно слушать женских советов. Сборник
рассказов №10 / А. Гасанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839472-0

Перед вами — очередной сборник рассказов о жизни, про жизнь и за жизнь.
Неплохое чтение для поездки в поезде и не только.

ISBN 978-5-44-839472-0

© Гасанов А.
© Издательские решения

Содержание

Почему не нужно слушать женских советов	6
Нормативка	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Почему не нужно слушать женских советов

Сборник рассказов №10

Алик Гасанов

© Алик Гасанов, 2017

ISBN 978-5-4483-9472-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почему не нужно слушать женских советов

...Мне ещё не было и тридцати, когда я, умудрённый опытом, по причине, видимо, дважды сломанного носа, вывел для себя чёткую и суровую уверенность, что ни при каких обстоятельствах и ни в коем случае нельзя слушать женских советов.

Нет, я конечно не имею права вот так напрямую требовать от каждого, чтобы он закатывал истерику, убегая, закрыв уши ладонями, как только услышит совет от женщины, как это делаю обычно я. Нет. Достаточно просто ответить холодным кивком, учтиво промолчав и улыбнувшись сдержанно, не теряя благородства во взгляде. Это не сложно, если потренироваться с недельку.

Уверяю вас – женские советы, это именно то, чего нам, мужчинам, необходимо остерегаться как можно серьёзнее. Под «советами», например, моя жена подразумевает действие, когда она, прижав меня неожиданно к стене, в визгливой форме выкрикивает угрозы и ультиматумы, сопровождая их буйством и психозом, переходящие неминуемо в сцену со слезами в мой адрес и проклятиями громкостью чуть тише циркулярной пилы.

Помню как в первые годы супружества, будучи ещё неопытным юнцом, я наивно пытался решать эту проблему с помощью бируш, но жена сразу же заподозрила подвох во время того, когда она давала мне очередной совет, или по крайней мере, как она называет эти эксперименты с моим рассудком. И вот помню, как она стала приглядываться ко мне пристальнее, отмечая, что я уже не вздрагиваю, инстинктивно защищая лицо, и не пытаюсь спрятаться в шкаф, и ей стало уже недостаточным то, что я просто покорно киваю головой, опустив руки. Расценив мой поступок с бирушами как чёрную неблагодарность, теперь она всякий раз предварительно проверяет мои уши, перед тем как набрать полные лёгкие воздуха перед очередным советом. Сначала это было мило и забавно, признаюсь. Да, это действительно смешно, когда супруга перед тем, как дать вам очередной совет, (она ниже меня ростом на две головы), вдруг проворно подтягивается на мочке вашего уха и заглядывает внутрь, словно сорока в мосол, чтобы убедиться, что вы не жульничаете. Это смешно. Первые четыре раза в день. Через месяц это начинает вас слегка нервировать. Мало того, у вас неминуемо вырабатывается неприятный рефлекс. Вот вы чувствуете, что на вашем ухе кто-то повис, неприятно упёршись коленом в пах, и держу пари – через несколько минут вас ждёт очередная неприятность.

Например, недавно, во время прогулки с сыном, жена мне посоветовала прокатиться с горки на «ледянке». Вы когда-нибудь катались с ледяной горки на «ледянке»? Нет-нет, ни вы. Вам можно и без ледянки с вашей комплекцией... А вот вы – я имею ввиду вон ту даму с куцым костлявым задом. Приходилось вам, так сказать, «вкушать плоды сих удовольствий...»? Почему «именно вы»? Простите, я не хотел вас уязвить, я просто подобрал из аудитории зад наиболее идентичный моему. Не приходилось? Замечательно. А теперь, если вы считаете, что мне можно доверять, повторяйте:

«Я (фамилия, имя, отчество...) Клянусь страшной клятвой... Что никогда и ни при каких обстоятельствах... Находясь как в здравом рассудке, так и в беспамятстве... Никогда не буду кататься на „ледянках“ с горок Российской Федерации... А так же стран Ближнего Востока... Стран СНГ... И всех иных стран...»

Кто не в курсе – я объясню. Представьте, что вы, умиляясь детской забаве и смеху вокруг, поднабиваемый присутствующими, торжественно и грузно усаживаетесь на пластмассовую лепёшку в три миллиметра толщиной, деликатно запахиваете полы пальто, что бы снегом не запачкать, и под одобрительное улюлюкание – отъезжаете, ещё не представляя, что вас ждёт. Уже на середине горки вы начинаете подозревать неладное, так как ветер начинает бить вашими ушами по вашим щекам, а ваше восторженное «И-х-ху!», как солидарный вклад во всеобщее веселье, неминуемо перерастает в истошное «ААААА!!!», как последний вопль

погибающего. Причём во время кульминации забавы, когда в конце пути вы, не заботясь о приличии, уже кувыркаетесь в режиме «головажопа-головажопа», собирая на себя снег плотным слоем, и останавливаетесь на хоккейной площадке в позе морской звезды, вы успеваете после короткого проклятия дать себе горячую и искреннюю клятву, что бросите пить и будете добрее к детям.

...Катание с горки я могу сравнить только с поездкой в «Оке».

Как-то супруга посоветовала мне «не пускать пыль в глаза, а взять экономичную и миниатюрную машинку». По своей природе инфантильный, я согласился «посмотреть машинку».

Влез в «Оку» – это, конечно, будет сказано принципиально неграмотно. Скорее всего правильно будет сказать – я натянул на себя «Оку», и мы поехали. «Мы поехали» – тоже звучит по крайней мере самонадеянно и заносчиво. Вы видели когда-нибудь, как той-терьер атакует дворового кота? Именно так маленький пёсик вдруг встаёт на дыбы, истошно и звонко лает, страшно отплёвываясь, после чего, трясаясь всем телом, воинственно шаркает пару раз хрупкой лапкой по асфальту, и, оглушительно ругаясь, несётся на встречу неминуемой смерти, вытаращив слезящиеся глазки. Помните? Именно так ведёт себя «Ока», когда вы трогаетесь с места. Как и той-терьер, она смело прокричала что-то напоследок и кинулась в бой, считая главным – начать! Уверю вас – ракету, ледянку и «Оку» изобретал один конструктор. Причём, он обожал той-терьеров. Он увековечил свою любовь к этой породе в своих детищах.

На «Оке» я не проехал и ста метров, как стал понимать, что в принципе, это можно назвать машиной. Сразу же отмечаются как достоинства, так и недостатки этой модели. Среди достоинств, например, наиболее приятным и полезным было то, что все на дороге старались держаться подальше от меня, вежливо отмечая, что все мы люди, и от тюрьмы и сумы, мол, не зарекайся, и вообще, только подлец может обидеть человека с ограниченными возможностями.

Через десять минут я даже перестал вытягивать шею, как черепаха, чтобы хоть что-нибудь разглядеть на дороге, и смешная фантазия рисовалась у меня в голове про фантастический портал в иные миры. Помните? Там герой передвигается на практически невидимом крохотном средстве, на подобии «ледянки». Так и я в «Оке», словно на невидимой «ледянке» (практически сидя куцым своим задом на асфальте, я имею ввиду) проезжал мимо огромных грузовиков, уходящих размерами в небо, и массивных, дышащих огнём автобусов. Мимо нас проносились с яростным рёвом неповоротливые гигантские «Волги» и потрясающие своим величием «УАЗ»-ики. Особенно захватывал дух на перекрёстках, когда я почувствовал себя ёжиком в тумане, очнувшись по-пьяни в самом центре табуна, несущегося на пожар. Причём именно тогда свой дух я чудом и не испустил, когда выворачивающий на перекрёстке троллейбус чуть не упал на мою «Оку». Да, это звучит неправдоподобно, но именно так бы это и называлось потом, я думаю. Ржавая конструкция, более похожая на мыловарню после теракта, судорожно скрежеща и отхаркиваясь, выкатилась справа от меня и, не в силах остановиться, стала падать на бок, задрав в небо половину колёс. Закрыв глаза и прошептав намаз, я глубоко раскаялся, что когда-то грубил маме и совершенно не занимаюсь сыном. Троллейбус оглушительно просигналил и рванул на всех парах, бешено разгоняясь до 25 км/ч, и я решил, что с меня хватит. Мужественно разогнав «Оку» до предела, через шесть кварталов я обогнал проклятый троллейбус, сделав полный круг по Тольятти.

Когда я вернул машину владельцу, он сам всё прочитал на моём лице и ни стал задавать вопросов. Жена тоже хотела что-то спросить, но, посмотрев на меня с тревогой, промолчала, впервые погладив меня по щеке по-матерински, прошептав: «Совсем седой ты уже у меня...»

Вот этот её жест меня всё время вводит в заблуждение. Совершенно не понимаю, что скрывается за этим жестом? Точно также она гладит меня по роже, умиляясь: «хорошенький мой!», меряя на меня вязанную белую шапочку с бубоном, уверяя, что «щас все так носят!» Коварно используя моё игнорирование своей внешностью, она в который раз эксперименти-

рует, и о том, что эксперимент не удался, я начинаю подозревать, когда вслед мне начинают смеяться, или лучший друг перестаёт при встрече подавать руку... Как-то она решила завести хомячка.

Тэкс... Эта дама не ушла ещё? Подойдите, пожалуйста. Вам придётся ещё раз поклясться. Повторяйте:

«Я... (фамилия, имя, отчество) ... Клянусь страшной клятвой... (далее по тексту, вы знаете) Никогда не заводить хомяков!»

Ну так вот. Как-то жена решила завести хомячка.

Мы умилённо любовались забавным пушистиком в клетке. Хомячок постоянно был чем-то занят. И шубку надо содержать в чистоте и в клетке он ревизию проводит ежеминутно. А глазки, словно чёрные бусинки, всё время внимательны и спокойны. Чудное существо.

И тут жена мне посоветовала завести хомячку друга, чтобы он не скучал...

Я опрометчиво согласился, находя идею безопасной, не подозревая, что мы подошли к самому краю бездны.

Подонок из зоомагазина, совершенно не беспокоясь о своей репутации, молча сунул мне очередного хомяка, даже не поинтересовавшись, куда я дел первого. Нет, я понимаю, что некрасиво лезть в чужие дела, и также поддерживаю тайну усыновления, но тем не менее, согласитесь, выглядит по крайней мере странным, когда один и тот же гражданин покупает хомяков с интервалом в полчаса. Хотя бы из вежливости ведь можно было поинтересоваться судьбой предыдущего хомяка? Что с ним? Он не подошёл по размеру или оказался испорченным? Нет, продавец (чтобы он сдох, сволочь!) молча сунул мне хомяка, и опять занялся своим маникюром.

...Уже через десять минут мы с женой стали подозревать, что хомячки не подружатся.

Потрясённые, мы с опаской наблюдали, как оба хомяка, невесть в чём усмотрев оскорбление, яростно мутузили друг друга, царапаясь и визжа, совершенно не обращая внимание на кормушку и наши призывы к совести.

С трудом расцепив дерущихся отвёрткой, я вытащил одного прихваткой для печки, надеясь, что хомяки, разведённые по углам ринга, примут к сведению мои замечания. Один грубиян остался в клетке, другого я положил рядом на пол. Драчуны тут же кинулись друг к другу и попытались продолжить бой сквозь решётку, но хомяк в клетке быстро оценил преимущество, и стал откровенно издеваться над «выселенным», показывая неприличные жесты и демонстративно метя морковку сразу с обоих концов, в то время как другой бегал вокруг, изрыгая проклятия, пытаясь дотянуться до обидчика сквозь прутья. Всерьёз опасаясь, что тот сломает себе зубы об решётку, я опять побежал в магазин, где подонок (чтоб он в гробу повернулся, тварь!) без интереса ухмыльнулся:

– Чё ж вы не сказали, что у вас мальчик?... Вот они и дерутся... Щас я вам девочку дам.

И вот через несколько минут я уже дома, и мы с женой стоим в колено-локтевой позе перед клеткой, и не мигая наблюдаем «чё будет?».

Продавец оказался прав.

Девочка драться отказалась.

Сразу же дав себя как следует отмутузить, она совершенно охладила пыл хомяка и к драке он потерял всякий интерес, после чего дама, посидев для приличия в уголке, вычистила тщательно шубку и решительно потребовала любви.

Хомяк был совершенно не настроен после пережитого за день, но хамка вела себя так вызывающе, что добила желаемого в яростной, чуть нервной форме.

Наше с женой умиление очень скоро сменилось неловкой скованностью. Да, это прекрасно, когда мужчина и женщина любят друг друга. Но ведь всему же есть предел? Толерантность-толерантностью, мужики, но о правилах элементарного приличия тоже не нужно забывать!..

Словно заключив коварный договор, хомяки с утра до вечера занимались любовью, всё чаще переходя к откровенно похабным и шумным сценам. Причём инициатором и вдохновителем этих вакханалий, как я заметил, была именно дама. Как только мы с женой появлялись в поле зрения, хамка бесцеремонно будила хомяка, и тот спросонья зевал, улыбаясь смущённо, пожимая плечами, мол» ну, что ж... надо, так надо...» и всё начиналось снова.

Вечером я перенёс клетку в дальнюю комнату, чтобы нам с женой хотя бы некоторое время не было слышно этого вертепа, но хомяки занялись своим паскудством значительно интенсивнее, стараясь, чтобы их было слышно и оттуда.

То, что у хомяков произошла эскалация сил, я понял, когда во дворе меня остановила соседка, одинокая женщина, чья квартира разделена стеной от наших хомяков, и высказала, что «вы с женой ни одни в доме!». Причём горечь на фоне улыбки, с которой она высказала данную претензию, покраснев и потупив взгляд, меня совершенно сбила с толку.

Одновременно с этим пошли хомячки...

Это было просто нашествие хомяков, и вы зря улыбаетесь. Я уже всерьёз опасался подагры в следствии плохого сна, и психическое моё состояние меня пугало не меньше, и я невольно ловил себя на мысли, что всерьёз обдумываю мрачную фантазию, что их можно просто долбить лопатой...

Хомяки размножались с такой скоростью, что я уже всерьёз начал подозревать, что они готовят массовый побег, пытаюсь своим количеством лопнуть клетку.

Подопок в зоомагазине нисколько не удивился. Плотно оглядев клетку, туго набитую хомячками, он с порога заявил, что хомяков возьмёт бесплатно и только с клеткой.

Я хмуро промолчал, и, оставив клетку на столе, ушёл не прощаясь.

Такие вот дела...

С тех пор советов жены я не слушаю.

Почти.

Нормативка

...Из армии я рвался домой, как голый в баню.

Сердце замирало до самой станции, помню. Мужики поймут меня. Думаешь – сейчас из вагона даже выйти не успеешь. Все люди ещё в поезде будут останавливаться, брови задирают:

– Товарищи!.. Тов... Товарищи!!! Это он!!!... Смотрите!!.. Алик из армии вернулся!.. Товарищи!.. Вот он!..

И летним громом грянет оркестр за окном. И огромная толпа на перроне, толкаясь и тесня друг друга, скрипя шарами надувными и роняя цветы, как один весело ахнет. И на шее повиснут сразу несколько, тормоза и целуя, а шум и смех оглушит, и толпа понесёт тебя в самую гущу, а в радостных криках я утону окончательно...

Короче говоря, волнительные предчувствия.

Но, выйдя на перрон, я, ни кем не замеченный, как и все прошёл сквозь вокзал. Люди тащили сумки, кто-то кого-то встречал, то там то тут восклицали, целовались. А я сел в первое же такси, и назвал адрес.

Называть родной адрес было непривычно... Два с половиной года не произносил его... Аж в носу защипало...

А потом почему-то даже обрадовался. На фиг меня целовать и тормозить с дороги-то? Я и не свеж, и не брит. Почти неделю добирался. Мне в Домодедово пришлось спать прямо в аэропорту, граждане. Потом сутки ждал поезда. Потом двое суток в поезде... На мне скоро грибы начнут расти. Лучше незаметно прошмыгнуть домой. Помыться, переодеться, и как ни в чём не бывало выкатить во двор... В магазин сходить, например. За хлебом. Сейчас вот выйду во двор, будто давно уже приехал. И вот канаю таким вот кексом, типа...

– Алик!

Иду не спеша. Руки в брюки...

– Алик!!..

Повернусь потом спокойно. Мол, простите, не заметил я вас всех... И тут начнётся.

– Товарищи!.. Он вернулся!..

Захлопают окна в родной пятиэтажке. То там, то сям удивлённые крики, беготня. А я иду не спеша так... Мол, ну «вернулся», ну и что в том особенного...

– Точно он?

– Да-да!.. Это он!.. Смотрите!...

– Я сама видела!.. В окно такая смарю, вижу – а там Алик идёт!!.. Представляете?!.. Сама видела!..

– Вон он!.. Смотрите!... Вон он!.. Вон-вон идёт!..

И сразу собирается толпа перед домом. Шум, гам... Пацаны на велосипедах остановились, глазят... У всех рожи счастливые... Все лезут обнять, чуть с ног не сбили... Уф... Полчаса не отпустят.

...Перед домом никого не было.

Меня это даже немного задело. Я спокойно прошёл к подъезду. Поздоровался с женщинами на лавочке. Навстречу прошла Гулька с первого этажа. Сухо «здраськнула»... Подрасла, морковка... Почти с мою голову!.. Сиськи-то...

А дома была только сестрёнка!..

Открыла на звонок. Взвизгнула, повисла на шее и задушила.

Дрыхнет в обед. Учится. По вечерам допоздна «готовит сессию». До обеда дрыхнет, как суслик.

Пулей помывшись-побрившись, я бегу, благоухая одеколоном, высунув язык к Ней.

Её красивая мама через кухонное окно говорила мягко, но не улыбаясь, будто боясь, что я сейчас сделаю что-то страшное:

– А она уехала. Почти год назад. Ты это... Ты не приходи сюда больше, Алик. Не нужно. Наташа вышла замуж. Ты не знал разве?.. Не приходи, пожалуйста...

...Почти месяц я обалдело шастал по родному городу, и город спокойно жил, не замечая меня.

Всматриваясь в прохожих, я удивлялся, как редко я встречаю знакомые лица. Мой старинный дружбан, которого я не видел года три, сдержанно поздоровался, даже не думая кидаться в объятия:

– С армии пришёл?.. Х-м... А я зимой вернулся...

Покурили, разошлись.

...И вот непонятным образом я устроен в компанию.

Торгаши. Перепродают продукты. Пиво, шоколад. Начальнице меня рекомендовала старшая сестра, и начальница всегда подчёркивает, что я должен быть благодарен сестре. В мои обязанности входит странный перечень. Я водитель, сопровождающий, таскающий сумку с деньгами, просто присутствующий рядом. Весь день я выполняю поручения начальницы. Отвези-привези-подожди. Очень быстро у начальницы ко мне проявляется искренняя симпатия.

– Алик – простой водитель!, – громко отчитывает она опять кого-то за дверью, – а и то лучше тебя ориентируется в отчётности!.. Любую работу ему доверить можно!.. Ни то, что вы!..

Во время наших поездок она бесконечно говорит по телефону, ей диктуют цифры и она жестами просит меня то записать, то запомнить что-то:

– По «Эфесу» 0,33 «новинка» в эконо-м сегменте мы подняли на 27, 5%, а «Варштайнер» оригинал наоборот с двухсот тысяч на тысяча четыреста!..

Уже через пару недель я сам себе удивляюсь, что неплохо ориентируюсь в её делах. Доходит до смешного – начальница на полном серьёзе советуется со мной, спорит и даже соглашается!..

– ... Нет, Юрий Степаныч!.. Нет-нет-нет!... Мы ещё в феврале прошлого года писали, что по «Ферреро» не вытяним!.. (поворачивается ко мне, прикрыв трубку ладошкой) В феврале же?.. Ты не помнишь?

Я слежу за дорогой, тихо поддакивая:

– В начале марта. И «Ферреро» и «Шторк» вы говорили... В коробках. В первую неделю марта.

– ... Да!.. И «Ферреро» и «Шторк» в коробках – я писала вам. В конце февраля, в начале марта!, – начальница благодарно мне кивает, что я напомнил, и орёт дальше в трубку, – А на рынке и так уже под завязку!.. Только на оптовиках выезжаем!..

Ситуация стала угнетать, когда в офисе за моей спиной стали шушукаться.

Водителей нас тут штук десять. Я, естественно, как водитель начальника, тут на особом счету. Меня все поят чаем. А от шоколада я уже икаю. В кабинеты вхожу свободно. На правах «правой руки» руководства, запросто общаюсь с начальниками отделов, в бухгалтериях ошиваюсь, как кот-пенсионер. А тут вдруг с Москвы нагрянула страшная комиссия.

...Несколько дней офис гудел в авральном режиме.

Все бегали, отсчитывая дни до фатального «понедельника», когда приедет проверка.

– Ира!.., – непривычно резко кричали в коридоре, – Немедленно добивай эту долбанную нормировку!.. Два дня осталось!..

Заплаканная Ира бежала мимо, прижимая охапку бумаг к груди, тихо всхлипывая:

– Уволюсь к чёртовой матери!.. Уволюсь!.. Полгода эта дура ничего не делала, а я расхлёбывать должна!.. Теперь...

– ... Это ни я должна делать!, – выскакивала за ней вслед толстушка Катя, – Сама ты дура!.. У меня и так хватает работы!..

– А кто?!.. Кто должен делать?... Я, что ли?!.., – Ира краснела на глазах, роняла папки и рыдала.

– Ира!.., – опять гремел голос начальницы, – Где по рекламе папка?!.. Скоты какие!... Одни тормоза тут работают!..

...Грядущий апокалипсис развязал языки, убрал все нормы приличия и этикеты.

В бухгалтерии Галина Васильевна кого-то обложила по телефону визгливым матом. В кабинетах кавардак. Бумага валяется на полу. Все кричат, спешно «подбивая» всё подряд. Уборщица сунулась со шваброй, на неё дружно гавкнули и та бледно испарилась.

Моё спокойствие действует начальнице на нервы.

– Чё ты стоишь тут?!.. В банк отвёз?!..

– Да.

– В банк, спрашиваю, ты всё отвёз?

Киваю.

– И 8-ю и по «логистике»?.. А в департаменте был?..

– Да. Отвёз. Был.

Смотрит с недоверием, всклокоченная от крика:

– Машину готовь!.. Через пять минут выйду!.. Сумку возьми!.. Быстрее-быстрее!.. Чё стоишь?!..

...В машине она ещё с полчаса кричит про сотрудников, уверенная, что они её смерти ожидают.

Дав ей хорошенько остыть, я мягко спрашиваю:

– А кто приезжает-то?

– ... Кто – «кто»?!!.., – опять мгновенно взрывается, но делает длинный вдох и также мгновенно остывает, – Клишин!.. «Кто»?.. Хотя, откуда ты знать можешь?... Ужасная сволочь он!.. До любой мелочи докапывается... В Караганде директора уволил... В Атырау весь офис разогнал, чуть до суда не довёл... А у «этих» (про сотрудников) только отпуска на уме!.. Суки такие...

И дальше идёт долгий страстный монолог, что она не железная, и что у неё ни семь рук, и что ей уже всё «настохерело»!.. И на меня опять кричат и за «Ферреро», и за бухгалтерию, и за всё подряд.

По дурусти я брякнул, улыбаясь:

– Ни чё... Откусаемся...

С трудом остывшая начальница взрывается так резко и громко, что я вжимаю голову в плечи.

...В понедельник по приказу начальницы весь филиал прибыл на работу на час раньше. Двор выметен, машины вымыты, «Газели» стоят в ряд, как на параде. Уборщица баба Дуся с шваброй и новым ведром замерла у входа, как часовой. Водители злорадно скалятся из курилки. В окнах трёхэтажного здания то и дело мелькают бледные лица. Все взвинчены, как перед последним боем.

Страшная комиссия к удивлению всех состоит всего из трёх человек. А господин Клишин, чью фамилию произносили шёпотом, как выяснилось, чуть старше меня. С ним грузный пожилой молчун с чемоданчиком и приятная молодая женщина-казашка.

Мы с начальницей их только что привезли из аэропорта, где она нервничала так, что готова была их встретить прямо перед трапом.

Клишин действительно оказался сухим желчным типом. Гастролируя по всему Казахстану, страшный ревизор сеет ужас и смерть. Начальница открыла перед ним дверцу машины на переднем сиденье, но он мрачно отмахнулся и они втроём сели сзади. Боковым зрением

я вижу, как горит её ухо, когда сзади слышится спокойная беседа. Замерев и вытянувшись как черенок лопаты, начальница не мигая смотрит в панель, готовая мгновенно отреагировать на вопрос, но её и не думают спрашивать и её это пугает. Мы проезжаем мимо завода, и те с интересом глазят, а я коротко комментирую:

– Шевченковский завод пластмасс... Полистирол, полиэтилен... Химия!.. Около пяти тысяч работников, наверное...

Начальница повернулась ко мне, нахмутив брови, чтобы я заткнулся, но сзади заинтересовались, крутят головами:

– Да вы что?.. Пять тысяч... Это...

– Большой завод, – продолжаю таким голосом, чтобы видели – я горжусь нашим заводом, – Говорят в Союзе таких только два. У нас и на Украине...

Понимающе кивают.

– ... И ближнее зарубежье, и Европа..., – поясняю машинально, когда мимо нас по перегону грохочет поезд с яркими надписями на вагонах, – Венгрия, Югославия... Вон – Япония даже...

Сзади так заинтересовались, что задают вопросы:

– А что тут?.. Сырьё или продукция?..

На свою беду я-простая душа, делаю паузу, уверенный, что вопрос адресован начальнице, и её спрашивают, чуть похлопав по плечу:

– Вы не знаете?

Та пожимает плечами, виновато улыбаясь.

Я бегу на помощь, демонстрируя спокойствие:

– И продукция и сырьё. Ширпотреб в основном. Вёдра, каркасы, листового пластик... Ну, там... Пенопласт... Целлофан... И в гранулах и в изделиях...

– Пенопласт?.., – девушка включилась.

– Да. Пенопласт. На пол-Союза поставляем... Полисульфон даже выпускают...

– Полисульфон?, – мрачный толстяк оживился, – Не может быть!.. Вот откуда значит...

– Угу... Там даже отдельный цех есть. По производству искусственных капилляров, клапанов сердечных...

– Как это?, – начальница тоже заинтересовалась, – Сердечных?

– Ну-да... На весь мир мы знамениты... Полисульфон – редкий синтетик, который не отторгается живым организмом... Дорогущий, говорят... А вот мы подъезжаем к знаменитому БН-350. Реактор, опресняющий морскую воду для города... Тут у нас в природе нет пресной воды, – усмехаюсь, чтобы успокоить девушку, округлившую ротик, – Весь город живёт полностью на искусственной воде...

И так мы едем целый час. И я провожу экскурс по городу до самого офиса, а притихшая аудитория благодарно помалкивает, не переставая удивляться, слушая про все наши достопримечательности.

Выходя из машины все трое улыбаются мне и благодарят, стоя спиной к начальнице.

И тут я впервые вижу этот её взгляд...

Не зная, что происходит, подчёркнуто солидно спрашиваю:

– Елена Владимировна, я могу на часик отлучиться? Обед уж...

Та молча кивает, семена за «комиссией». На крыльце повернулась, говорит строго:

– Я вам позвоню, если что. Но через час будьте здесь!..

... Я не успел подняться домой, когда мой телефон пропел «Рамштайном».

– Алик... (Елена шепчет в трубку дрожащим голосом) Срочно приезжай... Они меня уволить хотят, наверное... Я точно знаю – хотят уволить... Срочно приезжай, пожалуйста... Представляешь, суки – сразу же за нормативку спрашивают... А этот козёл по складам сразу шарит... Срочно, Алик!..

...Все эти дни весь офис судорожно подбивал отчёты, подшивал, подписывал и переделывал, и молился только за то, чтобы из сотни направлений в проверке как-нибудь ни сразу вспомнили о какой-то «нормативке» и о каких-то «складах по станции».

Только потом я смутно предположил, что это рутинно-бюрократические нормы положенности, которые нужно во что бы то ни стало стараться выполнять. Короче говоря, что-то, что должно было повышать продажи.

И вот стоит моя бедная Елена Владимировна перед «комиссией», и вопрос за вопросом её всё дальше и глубже втягивают в ступор.

...Сидя в приёмной, я деланно громко откашлялся с видом бравого водителя, чего-то забывшего и вернувшегося невзначай. В кабинете за дверью тихо...

— ... Вы сколько уже тут работаете?..

Сидя в директорском кресле, Клишин цедит устало.

Сбоку на стульчике Елена Владимировна.

...Это её кабинет. И сейчас в её кабинете три чужака, которых она смертельно боится.

Девушка-казашка без интереса небрежно листает отчёты, которые сделаны с таким усердием и в муках.

Толстяк скрестил пальцы на пузе, рассматривает начальницу исподлобья, словно вошь. Глаза смотрят безучастно, как у больного.

— ... Вы сколько уже тут работаете?..

...В здании тихо так, что слышно, как медленно стучит сердце Елены Владимировны.

— Четыре года... С половиною... Четыре года и пять месяцев... Шесть...

Солидно постучав, я заглядываю, напустив максимальный официоз на рожу:

— Извините (Клишину). Елена Владимировна, я в банк отвёз форму 4, как вы сказали. И 8-ю, и «по логистике» тоже. В департамент я наверное после обеда поеду, хорошо?

— ... А по 8-ой у вас как, кстати?, — девушка подняла голову, смотрит с сожалением, — хоть немного-то выровняли в этом году?.. Или опять?.. Все области дают по 20—30 процентов роста. А вы, как всегда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.